

К. Б. ВИНОГРАДОВ

НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ Некоторые итоги новых исследований

В минувшие 10—15 лет интенсивно разрабатывались некоторые кардинальные проблемы периода первой мировой войны. Наибольшее внимание исследователей все еще приковывает агрессивный курс кайзеровской Германии. Несколько содержательных монографий на эту тему создали историки СССР и других стран социалистического содружества. Признание широких читательских кругов завоевал трехтомный труд ученых ГДР «Deutschland im ersten Weltkrieg»¹. В ФРГ с работами о возникновении войны выступили маститый историк Э. Цехлин, молодой автор П. Кильмансегг и др. Серия исследований Ф. Фишера завершилась монографией «Krieg der Illusionen», вышедшей в Дюссельдорфе в 1969 г. Положительной в целом работе Ф. Фишера и его учеников (К. Вернеке, Й. Гейса и др.) содействовало принятие марксистско-ленинского тезиса о необходимости рассматривать внешнюю политику в связи с соотношением классовых сил внутри данного государства². Интересную монографию о нарастании франко-германских экономических противоречий опубликовал французский ученый Р. Пуадвен³. С работами, посвященными военно-стратегическому планированию Антанты и обстановке на Средиземном море, выступили американские историки С. Уильямсон и Р. Халперн. Вышло также несколько сборников статей об империалистической войне 1914—1918 гг.⁴

Немало буржуазных ученых в той или иной форме признают теперь ленинское положение: невозможно вскрыть причины войны, если ограничиться анализом событий в Европе. Но не притупилось оружие и у тех консервативных авторов, которые только модернизируют старые версии о случайности мировой катастрофы 1914 г., о том, будто война Германии с западными державами явилась побочным продуктом конфликтов на востоке и юго-востоке Европы. Даже историки, призывающие к «глобальному» подходу (О. Хаузер, Э. Хёльцле и др.), сами фактически преуменьшают значение столкновений на колониальной почве, высказывают весьма произвольные суждения о возмож-

¹ Первое издание вышло в 1968—1969 гг. Даже буржуазные рецензенты обратили внимание на этот труд. Так, английский обозреватель отметил логичность и аргументированность рассказа о причинах воинственности немецких правящих кругов, содержащегося в I томе этой работы. — «The Times Literary Supplement», 12.XI.1971, p. 1425—1426.

² По примеру Ф. Фишера некоторые историки Англии и Франции занялись вопросом о военных целях. Их первые шаги не отличались смелостью. В. Ротуэлл считает, например, что цели британского руководства сводились только к одному — победить Германию. — V. H. Rothwell. *British War Aims and Peace Diplomacy 1914—1918*. London, 1971. «Имеются ли у нас свои Фишеры?» — вопрошает Ж. Аллен. — «Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1971, juillet — septembre, p. 467.

³ R. Poidevin. *Les relations économique et financières entre la France et l'Allemagne de 1898 à 1914*. Paris, 1969.

⁴ См., например, «Первая мировая война 1914—1918 гг.». М., 1968; «The First World War. Causes, Conduct, Consequences». Ed. by J. Remak. New York, 1971.

ностях коренной перегруппировки сил на международной арене, не использованных Германией.

В настоящей статье сделана попытка обобщить некоторые результаты изысканий ученых социалистических стран, историков «школы Ф. Фишера» и других исследователей последнего времени. Будет рассмотрен вопрос о консолидации враждующих блоков к лету 1914 г., притязаниях Германии на «заморские» территории и причинах ее перехода на путь эскалации войны.

* * *

В начале 1914 г. два блока империалистических государств противостояли друг другу в Европе. Внутри каждого из них существовали серьезные противоречия. Союзники продолжали вести между собой экономическую борьбу, добивались преобладания на внутренних рынках «другой договаривающейся стороны», не спешили делиться с партнерами колониальной добычей. Каждая из держав стремилась овладеть командными позициями в «своем» блоке, рассчитывала на людской и материальный потенциал союзников в собственных интересах. Любая из них не прочь была углубить противоречия, существовавшие между партнерами и государствами соперничающей коалиции. Ведь союзы крупных капиталистических держав — не что иное, как своеобразная форма империалистического соперничества.

Тройственный союз еще в XIX в. был в значительной мере парализован из-за острейших трений между Италией и Австро-Венгрией. В эпоху империализма австро-итальянские противоречия становились все более весомым фактором европейской, да и всей мировой политики. Весной 1914 г. особенно обострилась борьба этих двух «союзников» из-за Албании; бурный прилив итальянской «ирреденты» также отравлял их отношения⁵.

Очень далекими от дружественных были и австро-германские связи. Правящие круги Германии пытались поставить под действительный контроль замыслы и мероприятия венской дипломатии. В свою очередь Австро-Венгрия добивалась максимальной самостоятельности в рамках союза с Германией, надеялась использовать мощь «старшего партнера» в своих целях⁶.

В начале 1914 г. трения между Берлином и Веной вызывал широкий круг вопросов⁷. Господствующие позиции в союзе прочно удерживались Германией. Вместе с тем, как пишет современный исследователь, давала себя знать и «относительная зависимость более сильного германского империализма от более слабой Габсбургской монархии»⁸. Еще Кидерлен начал осознавать это неприятное обстоятельство. Первые варианты создания «Срединной Европы», изучавшиеся Ратенау, Вильгельмом II и другими немецкими деятелями в канун мировой войны, призваны были, среди прочего, утвердить гегемонию Германии в бассейне Дуная. Пока же сложности и зигзаги во взаимоотношениях союзников объективно стимулировали агрессивную политику обеих держав. Поскольку Австро-Венгрия в 1911 г. не поддержала авантюру Германии в Марокко, берлинским руководителям пришлось вспомнить рецепты Ф. Гольштейна: только с помощью конфликта на Балканах можно гарантировать участие Габсбургского государства в «большой» войне⁹. Австро-венгерский «таран» был необходим для реализации обширной программы германского империализма на Ближнем Востоке.

⁵ W. C. A s k e w. The Austro-Italian Antagonism 1896—1914. Power, Public Opinion and Diplomacy. Essays in Honour of E. Carrol. Durham, 1959, p. 198—217; L. V a l i a n i. La dissoluzione dell'Austra-Ungheria. Milano, 1966, cap. I—II.

⁶ K. B. W i n o g r a d o w, J. A. P i s s a r e w. Die internationale Lage der österreichisch-ungarischen Monarchie in den Jahren 1900 bis 1918.—«Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900 bis 1918». Berlin, 1965, S. 1—53.

⁷ К ним незадолго перед тем добавились и противоречия по вопросам дедела Малой Азии.— F. K l e i n. Die Rivalität zwischen Deutschland und Österreich-Ungarn in der Türkei am Vorabend des ersten Weltkrieges Politik im Kriege 1914 bis 1918. Berlin, 1964, S. 1—21.

⁸ F. K l e i n. Probleme des Bündniss zwischen Österreich-Ungarn und Deutschland am Vorabend des ersten Weltkrieges.—«Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900 bis 1918», S. 157.

⁹ «Die geheime Papiere Friedrich von Holsteins», Bd. I. Göttingen, 1956, S. 164, 194—195.

В блоке стран Антанты царская Россия играла куда более самостоятельную роль, чем Австро-Венгрия в союзе центральных держав. Тем не менее в распоряжении союзников России имелись могучие рычаги воздействия, обеспечивавшие сохранение известной ее зависимости от Парижа и Лондона. С их помощью французским военно-политическим кругам удалось внести выгодные для себя изменения в военную конвенцию и планы сосредоточения русских вооруженных сил. Франция всячески поощряла ускорение темпов сухопутных вооружений России, направленных против Германии. На этот же путь еще с 1907—1908 гг. толкали русское правительство английские государственные и военные лидеры¹⁰.

События 1911 г. обнаружили нежелание России конфликтовать с Германией из-за колониальных споров, интересующих только Францию и Англию¹¹. Петербургское правительство достигло соглашения с немцами по ближневосточным вопросам и прохладно встречало разного рода авансы британских политических деятелей и неофициальных эмиссаров относительно оформления и укрепления англо-русского союза¹².

Вывод, который (независимо друг от друга) сделали в Париже и Лондоне, был аналогичен тому, к которому пришли в Берлине в связи с «упрямством» Австро-Венгрии: если идти на конфликт, то пусть он разыгрывается на Балканах и Ближнем Востоке! Резкое обострение положения в этой зоне мира привело к существенным переменам внутри Антанты. Усилиями целой группы историков доказано, что западные державы не только «не сдерживали» тогда Россию, но нередко побуждали ее на такие шаги, которые усугубляли противоречия на востоке Европы¹³. Правительство России все еще уклонялось от принятия непоправимых решений. Эта относительная пассивность царизма, вызывавшая раздражение иных политиков и дипломатов Франции и Англии, проистекала из сознания недостаточной готовности к войне, а также недоверия к собственным союзникам и отсутствия точной договоренности о перспективах раздела такого приза, как Османская империя. К лету 1914 г. два последних фактора оставались в силе. Несмотря на самоуверенные высказывания некоторых царских генералов и сановников, не слишком далеко продвинулись и оснащение и приведение в боевую готовность русской армии и флота. Однако быстрое развитие германо-австрийской инициативы и маневры и интриги английской и французской дипломатии все же дали свои плоды — Россию выдвинули «на линию огня».

Было бы нелепо сводить все дело к указанным причинам обострения русско-германских отношений, большое значение имел и рост экспансионистских тенденций в политике царских правящих кругов. Но объективно поворот царизма к более агрессивному курсу прежде всего ухудшил позиции России и предоставил новые шансы ее союзникам. Подобно тому как «успехи» Австро-Венгрии (аннексия Боснии, вынужденный отказ Сербии от выхода к Адриатике в 1912 г.) увеличивали ее зависимость от Германии, активность царской дипломатии на Балканах и Ближнем Востоке сократила для нее возможность маневрировать в сложной обстановке. В то же время Англия, затеявшая целый тур переговоров с Германией, казалось, меньше пуждалась в укреплении военно-политических контактов с Россией. Роли переменились: теперь уже царское правительство стремилось форсировать превращение Антанты в прочный союз.

¹⁰ «Fear God and Dreadnought. The Correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fischer of Kilverstone», vol. II. London, 1956, p. 169, 194.

¹¹ «Международные отношения в эпоху империализма» (далее — МО), 2-я серия, т. XVIII, ч. I. М., 1938, № 350, 359, 368.

¹² Советский историк А. В. Игнатьев привел новые поучительные данные, подтверждающие, что давно уже известные заявления Грея о неизбежности «всеобщей войны» и необходимости «уточнения» позиции всех держав Антанты (в беседе с Бенкендорфом в августе 1911 г.) не были случайными. — А. В. И г н а т ь е в. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны. М., 1962, стр. 102—106, 109, 117. Британская сторона одно время намекала и на возможность заключения военной конвенции с Россией.

¹³ См., например, В. И. Б о в ы к и н. Из истории возникновения первой мировой войны. М., 1961; А. В. И г н а т ь е в. Указ. соч.; Ю. А. Б о е в. Ближний Восток во внешней политике Франции. Киев, 1964; А. С. А в е т ь я н. Германский империализм на Ближнем Востоке. М., 1966; И. В. Б е с т у ж е в. Основные аспекты внешней политики России накануне июльского кризиса (февраль — июнь 1914 г.). — «Первая мировая война 1914—1918 гг.», стр. 71—89.

Немало преград стояло на путях эффективной координации действий стран Тройственного согласия. «Гармония» их интересов существовала только в писаниях ряда публицистов или официальных коммюнике по поводу тех или иных визитов государственных деятелей. Так, Франция была недовольна попытками Лондона опекаť ее каждый шаг и одновременно за ее спиной договариваться с немцами. В Петербурге вызвали опасения связи определенных французских и австрийских финансовых групп в некоторых политиках, а французам не нравилось «потворство» царизма проникновению германского капитала в Россию.

Наиболее серьезные противоречия разделяли Англию и Россию. Историки, утверждающие, что англо-русские конфликты могли уже тогда вызвать взрыв Антанты, особенно акцентируют значение борьбы из-за Персии. Действительно, трения по персидским делам в начале 1914 г. как будто вели к кризису в отношениях Лондона и Петербурга.

Британский капитал уверенно хозяйничал на нефтеносных землях южной Персии. Но нефтяные дельцы уже не довольствовались этим, намереваясь «освоить» нефтеносные площади в центральной и северной Персии. Они пользовались поддержкой британского правительства, которое помогало также синдикату капиталиста Гарвея, намечавшего захват горнорудных ресурсов Персии. После 1907 г. Англия имела преимущество в контроле над финансами Персии и намеревалась упрочить это положение. «В отношении Персии,— писал Грей Бьюкенену 18 марта 1914 г.,— мы желаем получить практически всю нейтральную зону и не можем там ничего уступить России». Поскольку и в Афганистане, и в Тибете Англия собиралась только брать, не давая чего-либо взамен, Грей констатировал, что путь к «добропорядочной сделке» найти не легко ¹⁴.

Со своей стороны, даже после не слишком благоприятного соглашения 1907 г., русский капитал продолжал завоевывать персидский рынок и укрепил свои позиции в экспорте и импорте Персии. Царское правительство много занималось экономической стороной персидской проблемы, придавая особенное значение строительству Транс-персидской железной дороги. Петербург добивался, чтобы конечным пунктом дороги стал один из портов в юго-восточной Персии. Узнав об этом проекте, некоторые британские газеты подняли тревогу: Россия у границ Индии!? Однако о приобретении опорных пунктов «на теплом море» правящие круги России тогда и не помышляли, да и на торговую экспансию в Индию русская буржуазия всерьез рассчитывать не могла. Речь в основном шла о том, чтобы достичь преимуществ на персидских территориях, где можно организовать отпор коммерческой контратаке Англии и натиску Германии. Са-зонов специально отмечал «нежелательность приближения» будущей трассы «к Багдадской железной дороге, которая могла бы со временем отвлечь к себе транзит» ¹⁵. В феврале 1914 г. в «памятной записке», врученной Бьюкенену, он подчеркнул, что строительство линии — дело безотлагательное. Тем более при «несомненных успехах... в постройке Багдадской железной дороги» ¹⁶.

Английское правительство предложило совершенно иной вариант трассы Транс-персидской дороги с конечным пунктом в Бендер-Аббасе. Фактически англичане хотели затормозить ее строительство даже в северной Персии. Возникло много других спорных вопросов, и весной 1914 г. Англия попыталась довольно грубо нажать на Россию ¹⁷. Мировая пресса широко комментировала обострение соперничества в Персии. «Нет ли непоправимого ухудшения англо-русских отношений?» — вопрошали журналисты.

¹⁴ «British Documents on the Origins of the War. 1898—1914» (далее—BD), vol. I—X. London, 1926—1938, vol. X, pt. 2, № 535. Едва ли можно найти лучшее свидетельство экспансионизма британских империалистических кругов, чем эти высказывания Грея. Тем не менее английские консервативные авторы и сейчас твердят о том, что Англия в канун первой мировой войны лишь препятствовала царской агрессии на Среднем Востоке.— См., например, H. Butterfield. Sir Edward Grey in July 1914.—«Historical Studies», vol. V. London, 1965, p. 1—26.

¹⁵ МО, 3-я серия, т. I, 1932, № 152.

¹⁶ Там же, № 319.

¹⁷ См. подробнее А. И. З а в а и ч. Англо-русские противоречия в Иране накануне первой мировой войны.—«Империализм и борьба рабочего класса». М., 1960, стр. 337—350.

В Петербурге нервничали, опасаясь возможного изменения ориентации Англии. Еще в январе 1914 г. Сазонов подчеркивал угрозу расшатывания Антанты, которого давно добивалась немецкая дипломатия. «Берлинский кабинет, быть может, рассчитывает столкнуться за наш счет с Англией»¹⁸, — писал он. Царское правительство стремилось во что бы то ни стало это предотвратить. Рекомендую министру «не запрашивать слишком много» с англичан, Бенкендорф 28 июня 1914 г. писал: «Главная достигнутая нами гарантия направлена против англо-германского соглашения»¹⁹.

Многие английские дипломаты также предостерегали против дальнейшего обострения «персидских» споров, поскольку оно могло пойти на пользу Германии; и в Лондоне считались с возможным внешнеполитическим поворотом России. Примечательно, что в ответственных британских кругах «русская угроза» Индии не рассматривалась в качестве серьезного фактора. Хорошо осведомленный Бенкендорф указывал на более приемлемую, чем раньше, позицию англо-индийских колониальных властей относительно Трансперсидской железной дороги и в афганском вопросе²⁰. Документы, в последнее время вводимые в научный оборот английскими и индийскими историками, подтверждают это мнение. Со стороны индийской администрации (а также коммерческих кругов Карачи) не было сильной оппозиции Трансперсидской дороге. Ч. Гардинг, Г. Макмахон и другие руководящие деятели полагали необходимым поддерживать дружественные отношения с Россией и видели в Германии главного соперника Великобритании.

При всем значении противоречий Англии и России утверждения О. Хаузера об их «приоритете» по сравнению с противоречиями англо-германскими не подкрепляются анализом конкретных материалов²¹. Только частично можно согласиться и с выводами в содержательном исследовании Б. Мартина, который чересчур буквально оценивает обещание Германии «устраниваться» от борьбы в Персии²². Понимается, угроза немецкого проникновения в Персию была скорее потенциальной. Зато в других зонах Ближнего и Среднего Востока активность Германии достигла огромного размаха. Но и эта экспансия была лишь небольшой частью германской угрозы в масштабах всей планеты, с которой столкнулись Англия и Россия. Даже англо-русский конфликт в Персии выглядел в какой-то мере периферийным по сравнению с фронтальным и всеобъемлющим антагонизмом между Германией и Англией и Россией. И не случайно еще до Сараевского покушения наметилось некоторое смягчение напряженности в отношениях Петербурга и Лондона. Так, 25 июня 1914 г. Грей заверил Бенкендорфа, что англо-персидская компания будет эксплуатировать нефть лишь на юге Персии, отказавшись от планов внедрения на севере этой страны²³. Еще на большие уступки вынуждено было пойти царское правительство²⁴.

«Залогом подлинной дружбы является наличие общих врагов», — говорил американский финансист и политик Б. Барух. Конечно, в мире капитализма до искренней дружбы между державами очень далеко и в этом случае. Но перед лицом наиболее сильного и опасного конкурента правительства других государств действительно старались свести свои междоусобные разногласия к минимуму. Так было и в 1912—1914 гг., когда страны Антанты вели интенсивные переговоры по военным вопросам и заключили новые военно-политические соглашения. Важным шагом в координации планов Англии и Франции был обмен письмами между Греем и П. Камбоном (ноябрь 1912 г.). В феврале 1913 г. состоялось подписание англо-французской военно-морской конвенции. Как считает современный исследователь А. Мардер, единственная ее цель — с позиций

¹⁸ «Константинополь и Проливы», т. I. М., 1925, стр. 63—64.

¹⁹ МО, 3-я серия, т. IV, 1932, № 2.

²⁰ Там же, т. I, № 121; т. III, № 365.

²¹ O. H a u s e r. Deutschland und der englisch-russische Gegensatz, 1900—1914. Göttingen, 1958, Kap. V, VI.

²² B. G. M a r t i n. German-Persian Diplomatic Relations 1873—1912. S.-Gravenhage, 1959, p. 206—212. Германская доля в персидском ввозе продолжала расти и в 1912—1914 гг.; с конца 1913 г. Германия стала поставлять в Персию оружие и готовилась возобновить «железнодорожную» экспансию. — Ibid., p. 196; Н. Н. Б о б ы н и н. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. Тифлис, 1923, стр. 359.

²³ МО, 3-я серия, т. III, 1933, № 365.

²⁴ Первые из них последовали в конце июня. После начала «июльского кризиса» Петербургу пришлось пойти еще дальше навстречу пожеланиям английской стороны.

английских руководящих кругов — состояла в том, чтобы придать немедленную эффективность британскому вмешательству в пользу Франции, если Англия решит вступить в войну²⁵. В тексте конвенции впервые совершенно четко одобрялась совместная деятельность начальников штабов по подготовке к войне, которая (подготовка) началась еще задолго до этого. К 1914 г. план переброски британских войск во Францию и их участия в операциях против Германии был разработан самым тщательным образом²⁶. В первой половине 1914 г. процесс консолидации англо-французского согласия продолжался. Большое значение имели переговоры, происходившие во время пребывания короля Георга V и Грея в Париже в апреле 1914 г. Подводя их итоги, Грей говорил Бенкендорфу: «Англия вступает в фазу еще более реального сближения с Францией»²⁷.

Французские и английские политические лидеры, дипломаты и военные представители зондировали (в известном контакте друг с другом) перспективы расширения Антанты в Западной Европе. Переговоры с Испанией дали основание считать, что со стороны Пиренеев французам опасность не грозит²⁸. Однако сговориться заранее с военно-политическими кругами Бельгии англичанам и французам не удалось²⁹.

В этот же период укреплялись связи западных держав с Россией. В 1912 г. состоялось подписание франко-русской военно-морской конвенции. В том же году, находясь в Петербурге, премьер-министр Пуанкаре сообщил Сазонову об устном обязательстве Англии помочь Франции «в случае нападения на нее со стороны Германии»³⁰. Позднее российскому правительству были официально сообщены вышеупомянутые англо-французские соглашения 1912—1913 гг. Лондонских же руководителей в свою очередь ознакомили с содержанием секретных документов, характеризующих франко-русский союз.

Трения между Россией и Англией из-за Персии привлекли в 1914 г. внимание французских руководителей. В обстановке приближавшейся войны с Германией Пуанкаре — теперь уже президент Франции — считал их весьма нежелательными. Французским дипломатам пришлось взять на себя миссию посредников между Англией и Россией³¹. Но наиболее симптоматичным можно считать тот факт, что даже в разгар кризиса, вызванного обоюдными притязаниями на Персию, английские и русские правящие круги приступили к архисекретным переговорам о заключении военно-морской конвенции. Как полагает А. В. Игнатьев, к 20-м числам июля 1914 г. проект англо-русского морского соглашения был подготовлен³². Таким образом, даже слабейшее англо-русское звено Антанты оказывалось возможным упрочить в рамках всего тре-

²⁵ A. M a r d e r. *From the Dreadnought to Scapa Flow*, vol. I. Oxford, 1961, p. 308.

²⁶ Генеральные штабы и правительства обеих стран ожидали германского наступления через Бельгию. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы архива Г. Уилсона; помимо Ч. Колвелла (Ch. Callwell. *Fiejd-Marshal Sir Henry Wilson*. London, 1927) его недавно использовал Б. Эш. — B. A s h. *The Lost Dictator. A Biography of Field-Marshal Sir Henry Wilson*. London, 1968.

²⁷ МО, 3-я серия, т. II, 1933, № 389.

²⁸ Испанский король не возражал, по-видимому, и против заключения формального союза с Францией. — R. R e n o u v i n. *Les questions méditerranéennes de 1904 à 1914*. Paris, 1956, p. 37—39.

²⁹ Это подтверждают исследования последних лет, в которых используются ранее неизвестные бельгийские и другие источники. См., например, R. D e v l e e s h o u w e r. *Les Belges et la dange de guerre (1900—1914)*. Louvain, 1958; D. H. T h o m a s. *The Use of the Scheldt in British Plans for the Defence of Belgian Neutrality*. — «Revue belge philologique et d'histoire», 1963, № 2; J. E. H e l m r e i c h. *Belgian Concern over Neutrality and British Intentions*. — «Journal of Modern History», December 1964; S. W i l l i a m s o n. *The Politics of Grand Strategy*. Cambridge (Mass.), 1969. Бельгийское правительство и генералитет относились подозрительно к предложениям и планам Англии. Стремясь ухудшить германо-бельгийские отношения и обеспечить более благоприятную позицию Бельгии, английская дипломатия начала изощренную игру вокруг судеб Бельгийского Конго — одного из объектов экспансии германского империализма.

³⁰ МО, 2-я серия, т. XX, ч. 2, 1940, № 489.

³¹ См. «Documents diplomatiques français» (далее — DDF), series 1—3. Paris, 1929—1959, 3-е série, t. X, № 438, 502.

³² А. В. И г н а т ь е в. Указ. соч., стр. 214—216.

угольника Лондон — Париж — Петербург. Темпы превращения «Двойственного соглашения» в «соглашение Тройственное» ускорились.

Между Берлином, Веной и Римом также велись в эти предвоенные годы переговоры о консолидации Тройственного союза. Три державы подписали в 1913 г. новую военно-морскую конвенцию, возобновились германо-итальянские военно-штабные переговоры. Мнимая готовность военно-политических кругов Италии к сближению с официальными союзниками ввела кое-кого в заблуждение в Берлине и Вене³³. В генеральном штабе России тоже сочли, что «Италия снова ведет политику в полном соответствии с интересами «Тройственного союза», членом которого ее надо считать»³⁴. Подлинный курс итальянского государственного руководства, однако, вовсе не был подчинен задачам укрепления Тройственного союза. Скорее, речь шла по-прежнему о том, чтобы увеличить удельный вес Италии на международной арене, «набить» ей цену в глазах политиков Антанты и австро-германского блока, с которыми она одновременно вела тогда переговоры по колониальным и другим вопросам. Не исключено, что итальянские дипломаты заранее изучали перспективы извлечения максимальных выгод на случай мировой войны; в частности, Антанту полезно было припугнуть возможностью возвращения «блудного сына» к отцовскому очагу Тройственного союза.

Большинство специалистов сходится сейчас в том, что ни до, ни после августа 1914 г. ведущие итальянские лидеры не намеревались выступать на стороне австро-германской «оси». Во всяком случае правительство Италии придерживалось твердого убеждения в невозможности рисковать войной против той коалиции, в составе которой окажется Англия³⁵.

Любопытной чертой предвоенного периода являлось известное сходство позиции слабейшего члена Тройственного союза — Италии и наиболее могущественного участника конкурирующей с ним группировки — Великобритании. Обе эти державы как бы стояли несколько в стороне от своего блока. Даже в начале 1914 г. Тройственный союз, казалось, обладал стройной и завершенной структурой, какой не было у Антанты, но он мог рассматриваться все же лишь как «филиал» австро-германского союза. Формально обособленное положение Англии в лагере Антанты, дававшее ей особые шансы в дипломатической борьбе тех лет, считалось одним из постоянно действующих факторов мировой политики. Общественность Европы — в том числе и британская — имела слабое представление о закулисных соглашениях и интенсивной военной подготовке Антанты. Зато на виду был как будто совпадающий курс Англии и Германии во время балканских войн и освещавшиеся печатью переговоры этих держав по колониальным вопросам. Весной 1914 г. было широко распространено мнение, согласно которому дистанция между Англией и ее союзниками увеличивается и во всяком случае превышает расстояние, отделяющее Италию от ее партнеров. Парадоксально, что к этому мнению склонялись и некоторые политики и дипломаты центральных держав, хотя берлинские руководители располагали неплохими источниками информации и знали, скажем, русско-английских переговорах относительно военно-морской конвенции.

Много написано о том, что британские политические деятели и дипломаты сознательно дезориентировали Германию. Несколько коллоциальных сделок (в сочетании с серией примирительных заявлений) действительно породили удивительные иллюзии в Берлине³⁶. Сходной и столь же ошибочной оказалась оценка английской политики и

³³ Даже подозрительный Ф. Конрад — начальник генерального штаба Австро-Венгрии и сторонник превентивной войны с Италией — стал терпимее относиться к своим итальянским недругам. — O. R e g e l e. Feldmarschall Conrad. Auftrag und Erfüllung. München, 1955, S. 73.

³⁴ А. М. З а й о н ч о в с к и й. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926, прилож. № 9, стр. 410.

³⁵ P. G. H a l p e r n. The Mediterranean Naval Situation 1908—1914. Cambridge (Mass.), 1971, p. 355—367.

³⁶ В канун 1914 г. в интервью, помещенном в «Daily Chronicle», английский министр финансов Ллойд Джордж называл германскую армию «жизненно необходимой» для существования рейха; едва ли Германия посягнет на «наше превосходство на море». За две недели до начала мировой войны канцлер казначейства повторил в публичной речи, что англо-германские отношения улучшаются, а международное положение не является столь напряженным, как в 1913 г. — «The Times», 18.VII.1914.

руководителями внешней политики Австро-Венгрии³⁷. Но (независимо от подлинного или мнимого «макиавеллизма») правительство Великобритании прежде всего стремилось улучшить международное положение страны. Сокращая фронт непосредственных столкновений с Германией, оно вместе с тем суживало свободу маневра собственных союзников и закрепляло лидирующее положение Англии в блоке Антанты.

Все это не изменило и не могло изменить природу англо-германского антагонизма. Ошибочными оказались расчеты государственного руководства Германии на раскол Антанты. Тенденция к раслаблению противостоящих группировок могла стать господствующей только после их фронтального сражения. В 1914 г. преобладающей оставалась тенденция к военно-политическому сплочению Антанты. В свое время американский историк С. Фей окрестил этот процесс «кристаллизацией». Однако он не придавал значения тому, что консолидация англо-франко-русского союза была исторически неизбежным явлением, обусловленным размахом экспансии германского империализма, и была ускорена ожидавшимся началом агрессии со стороны Германии.

Те же причины влияли и на расстановку сил в мировом масштабе, на позицию США и Японии. Перегруппировка держав, начавшаяся на рубеже XIX и XX вв., закончилась в 1910—1913 гг. (договоры Японии с Россией и Англией, негласный англо-американский договор). Уже в эти годы некоторые немецкие дипломаты и политики (Хинце и др.) стали изучать перспективы сближения с Японией (против США и России). Весьма серьезные противоречия между этой страной и США, казалось, благоприятствовали их замыслам. Но и тут потенциальные возможности не могли быть использованы из-за столкновения интересов Японии и Германии на Дальнем Востоке и Тихом океане и ввиду того, что относительная слабость Германии на море позволяла Японии в случае войны в Европе начать намеченную новую серию захватов с несложного предприятia — овладения немецкими колониями³⁸.

Союз между Англией и Японией, подобно другим союзам того времени, не отличался прочностью. Трения между Англией и Японией из-за рынков сбыта усиливались, японская экспансия возбуждала большие опасения у доминионов Англии. Но при обсуждении вопроса о перезаключении союза на заседаниях британского Комитета имперской обороны в 1911 г. победила точка зрения сторонников союза. Страх перед дальнейшим ростом военно-морского флота Германии, стратегические соображения, желание предотвратить переориентацию Японии — вот причины, определившие решение Англии³⁹.

В феврале 1914 г. президент США Вильсон призвал конгресс изъять из «Закона о Панамском канале» принятую при Тафте статью, нарушавшую договор Хей — Пауэнсфот (1901 г.) и вызвавшую негодование в Англии. Аргументация звучала загадочно: «Если вы не согласитесь со мной, я не знаю, как я смогу действовать по другим, еще бо-

Совсем иначе говорил Ллойд Джордж во время Агадирского кризиса. Изменился и язык Грея и короля Георга V в беседах более частного характера (вспомним, например, о предупреждениях со стороны этих британских деятелей в конце 1912 г. и их же нарочито успокоительных заверениях, сделанных германскому послу в Лондоне Лихновскому и принцу Генриху Прусскому в июле 1914 г. В настоящее время историку нетрудно обнаружить своего рода закономерность: английские лидеры произносили громкие слова тогда, когда из-за неготовности союзников они предпочли бы избежать войны... Но кайзеровским деятелям не дано было распознать это.

³⁷ Англия культивировала сохранение наилучших отношений с Габсбургской монархией. Эту ее тенденцию, весьма интересовавшую Вену, тщательно регистрировали русские дипломаты. — АВПР, ф. Канцелярия, 1913, д. 6, л. 2—9; д. 2, л. 101. В июле 1914 г. маневры такого же рода продолжались. Русский посол в Берлине Шебеко 1 августа доносил, что члены британского посольства в Вене «открыто высказывают сочувствие Австрии». — МО, 3-я серия, т. V, 1934, № 419. В Лондоне, как утверждает, ссылаясь на архивные материалы, английский историк Д. Маккормик, посол Австро-Венгрии Менсдорф имел постоянный доступ к Ллойд Джорджу, заверившему его, что Англия не вмешается в войну. — D. M a c c o r m i c k. The Mask of Merlin. London, 1963, p. 82.

³⁸ Будучи послом в Мексике, Хинце (как и его помощник Кардорф), полагал, что конфликт между Японией и США на мексиканской почве не за горами. Но в феврале 1914 г. Хинце пришел к выводу, что Япония не рискнет пока воевать с Америкой. — F. K a t z. Deutschland, Diaz und die mexikanische Revolution. Berlin, 1964, S. 272—273.

³⁹ A. M a r d e r. Op. cit., vol. I, p. 238.

лее деликатным вопросам»⁴⁰. Посол России в Вашингтоне Г. П. Бахметьев доносил, что само предложение Вильсона было неожиданным и озадачило «не только сенаторов, но и все общественное мнение и печать». Английский посол Спринг-Рейс говорил русскому дипломату, что «инициатива президента была так же неожиданна для него, как и для американцев»⁴¹. Это, однако, не вполне соответствовало истине. Пересмотр конгрессом закона о судоходстве по Панамскому каналу явился одним из результатов длительных переговоров, начавшихся еще летом 1913 г. в Англии⁴². Помимо вопроса о Панаме, другой жгучей проблемой англо-американских отношений того периода стало соперничество в Мексике, где развертывалась острая борьба за нефтяные источники, железнодорожные концессии и политическое преобладание.

Британский дипломат Карден еще на посту посланника в Гаване отстаивал целесообразность энергичных контрдействий Англии в Латинской Америке. Затем он стал послом в Мексике. Тесно связанный с британским нефтепромышленником лордом Кудри (Пирсоном), Карден сумел добиться новых выгод для английских концессионеров, перетянул в сферу британской ориентации диктатора Уэрту и озлобил дипломатов США. Но во время визита Тиррела в США в конце 1913 г. Вашингтон добился отказа лондонского правительства от поддержки интересов английских нефтяных дельцов и генерала Уэрты в Мексике. Карден получил инструкцию перейти к выжидательной тактике⁴³. В цепи аналогичных уступок Англии (конфликты из-за Венесуэлы, отказ от договора Клейтон — Бульвер, делимитация границ Канады с Аляской, уход британской эскадры из Карибского моря) появилась новая — еще на одном участке борьбы в Западном полушарии Великобритания «вышла из игры». Именно в обмен на это отступление администрация Вильсона и провела через конгресс новый вариант «Закона о канале», в котором учитывались британские коммерческие интересы.

Что же послужило причиной сравнительно быстрого урегулирования острого конфликта, того, что Англия предоставила США разрубить «мексиканский узел» по своему усмотрению? Пожалуй, только угроза экспансии со стороны кайзеровской Германии могла побудить ее к подобным жертвам. Перед лицом немецкого натиска и американская дипломатия шла на компромиссы с соперниками.

Изыскания ряда современных ученых подтвердили, что в канун империалистической войны германо-американские отношения были напряженными, а их значение в мировой политике росло. Активность в Мексике Германии, возможность ее блока с Японией, лихорадочное строительство сильного военно-морского флота, экономическая, демографическая и политическая экспансия Германии в Бразилии, Чили, Гватемале и других странах Латинской Америки — все это вызывало серьезную озабоченность в Соединенных Штатах. Завязались первые схватки между США и Германией и в Старом Свете. В Турции американская дипломатия довольно решительно поддерживала попытки бизнесменов получить концессии, но натолкнулась на противодействие немцев⁴⁴. В Румынии развернулась борьба за источники нефти; влиятельные немецкие круги попытались подорвать позиции «Стандард ойл» на нефтяном рынке Германии⁴⁵. В силу указанных обстоятельств англо-американские противоречия, на которые издавна рассчитывали в Берлине, отходили на второй план. Более того, наметилось даже известное согласование действий между Лондоном и Вашингтоном⁴⁶.

⁴⁰ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1914». Washington, 1922, p. 317.

⁴¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1914, д. 311, л. 1, 2.

⁴² 28 августа 1913 г. посол США в Лондоне Пейдж писал: в случае возвращения к условиям соглашения Хей — Паунсфот «мы будем иметь в распоряжении британский флот, британских фабрикантов — все, что нам угодно». — «Архив полковника Хауза», т. I. М., 1937, стр. 17. Немало других сведений об англо-американских переговорах 1913—1914 гг. содержится в письмах Пейджа В. Вильсону и его жизнеописании, в мемуарах Грея.

⁴³ P. Calvert. The Mexican Revolution, 1910—1914. The Diplomacy of Anglo-American Conflict. Cambridge, 1968, p. 268—272.

⁴⁴ J. A. De Novo. American Interests and Policies in the Middle East 1900—1939. Minneapolis, 1963, chap. II.

⁴⁵ А. А. Фурсенко. Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы — 1918 г. М. — Л., 1965, гл. XVI.

⁴⁶ Уже в декабре 1913 г. по инициативе английской стороны было намечено организовать поездку Хауза в Европу. Она состоялась в мае — июне 1914 г.

Таким образом, перегруппировка сил на мировой арене завершилась в пользу Антанты, обеспечившей себе «тылы» на случай войны. До «взрыва» в Европе не имелось веских оснований для новой ориентации политики США или Японии. Германия не приобрела заморских союзников, она почти не имела надежных баз и опорных пунктов за пределами Европы. До сих пор некоторые историки, объясняя эти провалы немецкой политики, делают акцент на пресловутых ошибках «эпигонов Бисмарка» или ссылаются на другие второстепенные обстоятельства. Известные нам документы и свидетельства все еще не позволяют детально воссоздать стратегию и тактику Германии по проблемам расстановки сил в мировых масштабах. Быть может, дело ограничивалось отдельными «импульсивными» вспышками активности? Вильгельм II, например, затевал время от времени довольно примитивный «флирт» с Т. Рузвельтом и другими американскими деятелями. В 1908 г. у него мелькала мысль о создании коалиции государств (с участием и США) для войны с Японией и «предательницей белой расы» — Англией⁴⁷. В конце 1913 — начале 1914 г. кайзер и Хинце увлекались совсем иным проектом: они намеревались сколотить некий фронт европейских держав против США⁴⁸. Непосредственно перед войной с германской стороны в Лондоне, по-видимому, было сделано еще одно предложение о совместном контрударе в Мексике⁴⁹.

По традиции Бисмарка — Гольштейна замыслы и мероприятия немецкого государственного руководства преследовали цель обострить отношения между конкурирующими странами. Они не свидетельствовали о проицательности, а в вопросе о Мексике — и о необходимой информированности Вильгельма II, его министров и дипломатов. Но едва ли можно продолжать говорить об их «континентальном мышлении», мешавшем вести результативную «мировую политику». Относительная пассивность берлинских стратегов в попытках добиться перемены позиции США в международном масштабе была скорее следствием признания неблагоприятных перспектив для Германии в Западном полушарии и на Дальнем Востоке. Более систематически немецкая дипломатия старалась «нейтрализовать» Англию с помощью сделок в Африке и на Среднем Востоке. Англо-германские переговоры привели к немаловажным соглашениям, однако это не улучшило позиции Германии. Напомним, что в 1911 г. Германия потерпела поражение в борьбе за Марокко. Притязания ее капиталистических кругов на Северо-Западную Африку сохранились⁵⁰, но правительство все же сочло за благо сконцентрировать внимание на тропической зоне «Черного материка». Достигнутая с Англией договоренность об эвентуальном разделе португальских колоний не удовлетворила Германию (тем более что Лондон не спешил с подписанием выработанного соглашения). Ублаготворяя немцев за чужой счет, английское правительство, разумеется, не забывало о вожделениях британских колониальных компаний, о больших стратегических и экономических планах (железные дороги Кейптаун — Каир, Лагос — Хартум и др.). При всех случаях передела Бельгийского Конго Англия собиралась обеспечить рудные богатства Катанги для «своих» капиталистов. Однако германские империалисты сами стали претендовать на Катангу⁵¹.

На рубеже 1913 и 1914 гг. немецкие колониальные круги усиленно стремились внедриться в Анголу⁵², активизировали разработку плана создания германской «Сре-

⁴⁷ DDF, 2-e série, t. XI, № 549, 566

⁴⁸ Первым шагом должен был стать «протекторат» Европы и США над Мексикой. Это позволило бы, по выражению кайзера, «прорвать доктрину Монро». — F. K a t z. Op. cit., S. 294.

⁴⁹ B. T u c h m a n n. The Zimmermann Telegram. New York, 1958; Ф. Кац не обнаружил прямых архивных подтверждений инициативы такого рода, но полагает, что прибывший тогда в Англию А. Балли зондировал почву и в этом вопросе.

⁵⁰ На заседании руководства партии национал-либералов 9 февраля 1914 г. ярый колониалист В. Арнинг говорил: «Договор с Францией о Марокко не должен сдерживать немецкую экспансию; мы уже разорвали немало бумажных договоров, и этот мы должны разорвать, ибо требованием нашего национального существования является овладение этой страной». — H. T h i e m e. Nationaler Liberalismus in der Krise. Boppard, 1963, S. 54—55.

⁵¹ Зольф писал Ягову в 1913 г., что железная дорога через Анголу (один из английских «даров») «будет жить или умрет вместе с эксплуатацией рудников Катанги». — J. W i l l e q u e t. Le Congo belge et la Weltpolitik (1898—1914). Bruxelles, 1962, p. 392.

⁵² DDF, 3-e série, t. X, № 312, 332.

динной Африки) — обширной империи от Индийского океана до Атлантики. 20 апреля руководитель колониального ведомства Зольф настойчиво рекомендовал Ягову добиться возобновления переговоров с Англией о дележе Конго и о «Миттельафрике»⁵³. Но в министерстве иностранных дел справедливо полагали, что вероятность достижения новых сделок невелика⁵⁴. Отмечалось все больше «разночтений» даже в трактовке второстепенных деталей соглашения о зонах влияния в португальских владениях. Исследователи обращают мало внимания на группу документов в британской коллекции, относящихся к лету 1914 г. и характеризующих позицию Англии в связи с Анголой и Португалией⁵⁵. Между тем они никак не подкрепляют доводы историков, которые превозносят мнимую англо-германскую гармонию по колониальным делам. Британский посланник в Лиссабоне доносил о панических заявлениях португальского министра иностранных дел Ф. д'Анраде, сделанных после грубого нажима Германии на Португалию⁵⁶. Беспокойство португальских властей контрастировало с трезвым расчетом их «старших партнеров» в Лондоне⁵⁷. Возможно, д'Анраде преувеличил немецкую угрозу, вряд ли в южной Анголе возникнет новый Агадир, отмечал один из чиновников Форин-оффиса. Но из тех же комментариев лидеров британской дипломатии и принятых ими решений вытекает, что Лондон не желал предоставлять Германии полную «свободу рук» в Анголе; даже Бенгуэльскую дорогу здесь не хотели бы отдавать под единоличный контроль немцев.

Итак, германские колониялисты проявляли растущее нетерпение. Вероятно, многим из них становился уже очевиден призрачный характер сделки с Англией. Британские «уступки» сами по себе таили опасность новых осложнений в англо-германских отношениях, да и весь проект немецкой «Срединной Африки» был несомненным с основами политического курса, проводившегося лондонским правительством. Особенность положения заключалась еще и в том, что сближение с Англией по африканским делам не сокращало для Германии линии фронта столкновений с конкурирующими державами. Скорее такой фронт лишь расширялся. Только отдельные его участки заняли теперь французы, бельгийцы и португальцы. В 1911—1912 гг. Бетман-Гольвег и другие немецкие руководители сдержанно отнеслись к первым английским намекам о переделе колоний в Тропической Африке. В частности, они опасались, «как бы Бельгия не попала во французские объятия». В канун первой мировой войны германская дипломатия всячески маневрировала, стремясь ослабить сопротивление Франции и успокоить нервничавших бельгийцев. Документы не подтверждают версии бельгийского историка Ж. Филькэ, который пишет, будто Ягов и Зольф весной 1914 г. искренне предложили французам «мир» и были готовы на значительные уступки⁵⁸.

До примирения на колониальной почве было дальше, чем когда бы то ни было. Тактические трюки немецкого правительства не повлияли на позицию Франции, которая по-прежнему противилась экономическому и политическому внедрению Германии в Экваториальную Африку. Продолжали ухудшаться германо-бельгийские отношения. По наблюдению датского посла в Берлине, они «никогда еще не были столь напряжен-

⁵³ J. Willequet. Op. cit., Annex IX.

⁵⁴ Еще 7 апреля Грей инструктировал посла в Берлине Гошена: «Я не могу заключать какие-либо новые секретные соглашения с [Германией]». — BD, vol. X, pt. 2, № 373. Британский министр имел в виду судьбу португальских колоний. Но и в Бельгийском Конго, перспективами раздела которого англичане манили немцев, Германия не могла рассчитывать на санкцию Англии в поглощении наиболее «ценных» частей этой страны.

⁵⁵ Ibid., № 376—380.

⁵⁶ В Португалии, как доносил П. Боткин из Лиссабона, произвела большое впечатление статья в «Kölnische Zeitung», подготавливавшая общественное мнение к мысли «о фактическом переходе Анголы в руки немцев». — АВПР, ф. Канцелярия, д. 298, л. 19; ср. там же, л. 15.

⁵⁷ Пометки на депеше из Лиссабона занимают несколько страниц и свидетельствуют о пристальном рассмотрении всех вариантов возможного развития событий. — BD, vol. X, pt. 2, p. 573—576.

⁵⁸ J. Willequet. Op. cit., p. 407—415. Зольф, правда, говорил французскому дипломату Манвиллю, что «Африка должна быть территорией мира между белыми людьми». — DDF, 3-е série, t. IX, № 385. Но на деле это означало стремление совместно душить освободительное движение народов Африки. Заявления такого рода еще не дают оснований модернизировать историю и превращать германских империалистов начала века в предшественников нынешних апологетов «Объединенной Европы».

ными, как сейчас». Это мнение разделял и опытный французский дипломат, посол в Германии Ж. Камбон. Ссылаясь на признание своего бельгийского коллеги, он 17 апреля 1914 г. писал о немецком давлении в Брюсселе. Но бельгийские власти препятствовали намерениям Германии обосноваться в Бельгийском Конго⁵⁹.

9 мая близкая к официальным кругам «Kölnische Zeitung» поставила вопрос в упор: Бельгия переживает колониальный кризис, она не справляется с управлением огромным Конго; почему же в Брюсселе все еще не слышно голосов в поддержку плана продажи части этой колонии другой державе? Далее газета заявляла, что и Франция владеет большим числом земель, «чем она в состоянии управлять», а ее «достижения в Алжире и... в Экваториальной Африке жалки».

Была ли это угроза? Или еще одно приглашение сесть за стол переговоров, адресованное в Брюссель и Париж? Во всяком случае Германия не добилась желаемых результатов⁶⁰.

Таким образом, обзор предвоенных переговоров между колониальными державами относительно передела владений в Африке позволяет сделать следующие выводы.

1. Значение достигнутых или намечавшихся соглашений не следует переоценивать.

2. Англо-германская сделка в отношении будущего португальских колоний, как и франко-германское соглашение 1911 г., завершившее второй марокканский кризис, возбуждали аппетиты наименее «насыщенной» колониями державы — Германии, но удовлетворяли их в ничтожной степени. Избранная Англией тактика объективно только порождала новые очаги конфликтов, поскольку возрастало сопротивление немецкой экспансии со стороны других колониальных хищников.

3. К лету 1914 г. Берлину не удалось достичь каких-либо реальных выгод в Тропической Африке; между тем интерес германских деловых кругов к «Миттельафрике» и аналогичным проектам все увеличивался.

4. Соперничество держав из-за Бельгийского Конго и других поработенных африканских стран было неразрывно связано с главными проблемами европейской и мировой политики⁶¹. Агрессия германского империализма в Африке парализовалась в силу многих причин. Построить прочный «мост» к «Срединной Африке» не представлялось возможным в условиях господства Англии на море и противодействия Франции, Бельгии и Португалии. Только решительные победы в Европе или хотя бы утверждение Германии на Среднем Востоке могли существенно изменить это положение.

Ближний и Средний Восток не случайно превратились в начале XX в. в главную «отдушину» и сферу экспансии германского империализма. Обширная Османская империя и прилегающие к ней земли находились в относительной близости к Германии, были богаты природными ресурсами и представляли заманчивый объект для капиталистов как рынок сбыта. Их значение усиливалось тем, что заморские позиции Германии к 1913—1914 гг. оставались весьма шаткими.

И с военно-стратегической точки зрения Турция являлась великолепным плацдармом для германского милитаризма. Господство Германии в зоне Проливов ставило под удар Россию с юга; турецкие армии могли пригодиться для отвлечения русских войск на Кавказ и Балканы. Но Турция приобретала особую роль и в империалистическом конфликте с Англией. Уже за несколько лет до 1914 г. в Германии оформляется замысел удара по Индии и использования недовольства «мусульманского мира» британскими колонизаторами⁶². По наблюдениям русского посла в Берлине Шебеко, руко-

⁵⁹ DDF, 3-e série, t. X, № 118.

⁶⁰ В середине июня 1914 г. бельгийцы довели до сведения Франции, что они твердо намерены эксплуатировать Конго без посторонней помощи.

⁶¹ Противоположное мнение (вопреки приводимым им самим материалам) отстаивает Ж. Вилькэ. Он пишет, будто война в Европе не имела касательства к Экваториальной Африке, «прервала только начавшуюся шахматную партию». «Шахматная игра» происходила, однако, на всей «мировой доске». События на одной группе клеток во многом определялись тем, что происходило в другом углу доски. См. нашу рецензию на монографию Ж. Вилькэ. — «Новая и новейшая история», 1963, № 5, стр. 154—157.

⁶² Еще в ноябре 1909 г. Вильгельм II говорил одному австрийскому дипломату, что совместно с Турцией можно отравить англичанам жизнь в Индии.

водящие немецкие круги собирались превратить Турцию в орудие, с помощью которого можно было бы выйти на подступы к Индии и Египту⁶³. Материалы, сгруппированные и проанализированные в книгах Л. Ратманна и в статье В. Маркова и Л. Ратманна, показывают, что Месопотамия и зона Персидского залива, Суэцкий канал и Египет все чаще притягивали к себе взоры немецких промышленников, коммерсантов, финансистов и военно-политических деятелей⁶⁴.

Исследования ученых разных стран достаточно полно выявили цели и масштабы проникновения кайзеровской Германии на Ближний и Средний Восток. Новые материалы (кроме Л. Ратманна и В. Маркова) ввели в научный оборот историки Ф. Клейн и Э. Вернер (ГДР), Ф. Фишер и У. Герке (ФРГ), Б. Мартин и У. Трамперер (США). Богатые архивные фонды изучили советские ученые А. С. Аветян, Ю. А. Боев, Г. Л. Бондаревский, Л. Г. Истягин, И. И. Кублашвили, А. С. Силин, Б. М. Туполев и др. Некоторые итоги их изысканий могут быть сведены к следующим положениям.

1. С начала XX в. место и удельный вес стран Ближнего и Среднего Востока, а также Балканского полуострова во внешней политике Германии непрерывно увеличивались.

2. В руководстве и конкретном осуществлении германского государственного курса в этой зоне мира особенно наглядно сказывалось подчинение правительственного аппарата интересам крупных монополий⁶⁵.

3. Военно-политическая экспансия Германии в Турции, стремление первой установить контроль над вооруженными силами и коммуникациями Османской империи до крайней степени усугубляли международную обстановку на Ближнем Востоке и во всем мире.

4. Легенда о принципиальных отличиях германской политики от политики других держав, об «антиколониализме» и «незаинтересованности» немецких правящих кругов в турецких владениях полностью опровергнута. Именно германский империализм пытался реализовать на Ближнем и Среднем Востоке наиболее разбойничью программу захватов. Он стремился постепенно подчинить целый комплекс стран, который можно было бы именовать (вслед за индийскими публицистами) «Западной Азией».

Благоприятным для кайзеровской Германии фактором являлась недостаточная согласованность действий Антанты на Балканах и на Ближнем Востоке. Русская дипломатия пыталась соорудить плотину на пути германо-австрийской экспансии там, где она чувствовала себя достаточно уверенно, — в Юго-Восточной Европе. Однако Франция лишь эпизодически помогала осуществлять этот замысел, а Великобритания иногда даже препятствовала ему. На Ближнем Востоке, подчеркивал в конце 1913 г. царский морской агент в Турции Щеглов, Франция идет вместе с Россией только до тех пор, пока ей это выгодно. Она не желает, чтобы Россия усиливалась там и проводила независимую политику⁶⁶. В Константинополе, как писал позднее Сазонов, «французские представители нередко проводили политику, не согласованную с интересами России»⁶⁷. Это сказалось во время переговоров о разграничении «сфер влияния» Фран-

⁶³ См. А. С. С и л и н. Германия и переговоры об австро-турецкой военной конвенции в 1909—1910 гг. — «Ученые записки» Кишиневск. гос. ун-та, т. 65, 1963, стр. 89.

⁶⁴ L. R a t h m a n n. Berlin — Bagdad. Berlin, 1962; ег о ж е. Stossrichtung Nahost 1914—1918. Berlin, 1963; В. М а р к о в, Л. Р а т м а н н. Проникновение германских монополий в Египет. — «Империализм и борьба рабочего класса». Сб. статей. М., 1960, стр. 163—182.

⁶⁵ Один из руководителей экономического внедрения в Турцию Гвиннер низводил роль немецкой дипломатии до функции посредничества и обслуживания интересов промышленников. — F. F i s c h e r. Weltpolitik. Weltmachtstreben und deutsche Kriegsziele. — «Historische Zeitschrift», Oktober 1964, S. 285. В Турции и Персии, как отмечает Б. Мартин, члены военных миссий являлись агентами германских военных фирм. — В. G. M a r t i n. Op. cit., p. 202—204, 207—208; ср. А. С. С и л и н. Борьба германских оружейных монополий за турецкий рынок накануне первой мировой войны. — «Колониализм вчера и сегодня». М., 1964, стр. 103—131.

⁶⁶ А. М. З а й о н ч к о в с к и й. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926, стр. 321.

⁶⁷ С. Д. С а з о н о в. Воспоминания. Париж, 1927, стр. 303.

ции, России и Германии в Османской империи, на расширении деятельности Салоникского банка и на французском займе, предоставленном в апреле 1914 г., и др.⁶⁸.

Не меньше трений в этой зоне мира было и у России с Англией. Петербургское правительство выражало, например, озабоченность в связи с деятельностью миссии адмирала Лимпуса и строительством военных судов для Турции на британских верфях. Но Лондон оставлял демарши российских дипломатов без внимания или же обосновывал свою позицию смехотворными аргументами⁶⁹. Англия (как и Франция) не оказала существенной поддержки России в остром тогда вопросе о реформах в турецкой Армении.

Наконец, борьба из-за «турецкого наследства» отражалась и на франко-английских отношениях. Так, весьма условным был сговор империалистов этих двух держав о возможном разделе «стран Леванта»⁷⁰.

Все же и на Ближнем Востоке преобладание противоречий между Антантой и Германией с каждым годом становилось очевиднее. В 1912—1913 гг. Англия и Франция решились здесь на энергичные контрдействия. Поражение в Первой Балканской войне Турции и перспективы ее развала заставили германских государственных руководителей изменить тактику⁷¹. Последовало заключение нескольких соглашений между европейскими державами о примерном разделе многих вилайетов азиатской Турции на сферы влияния⁷², о Багдадской дороге, реформах в Армении и т. п. Соглашения эти закреплялись двусторонними договорами, которые навязывались туркам дипломатией империалистических государств. Турция, по образному сравнению ее министра внутренних дел Талаата, оказалась в положении путешественника, подвергшегося в лесу нападению разбойников: он уже согласен отдать им деньги и пожитки, лишь бы спасти жизнь⁷³.

Сговор относительно Малой Азии и Месопотамии принес Германии более ощутимые успехи, чем аналогичные соглашения по африканским вопросам. По некоторым подсчетам, притязания немецких империалистов простирались на две трети Османского государства — «львиную долю» наследства турецкого султана⁷⁴. Однако и к сделкам по проблемам контроля над Средним Востоком вполне применимы высказанные ранее соображения: это были крайне непрочные соглашения, способные сгладить остроту конфликтов между великими державами лишь на самое короткое время⁷⁵. Достаточно бросить взгляд на карту раздела Турции на сферы интересов, чтобы понять, почему новыми сделками остались недовольны как влиятельные монополии Германии, так и других стран⁷⁶. Нефтяное соглашение, подписанное 19 марта 1914 г. в Лондоне Кюльманом, Эйр Кроу, Детердингом и другими, было достигнуто только после отказа немец-

⁶⁸ Л. Г. И с т я г и н. Экспансия германского империализма в Турции и русско-германские противоречия по армянскому вопросу (1912—1914 гг.). — «Из истории агрессивной внешней политики германского империализма». М., 1959, стр. 13—15; Ю. А. Б о е в. Указ. соч., гл. VI. На основе изучения архивных материалов Ю. А. Боев установил, что французские дипломаты даже дезинформировали своих русских союзников.

⁶⁹ МО, 3-я серия, т. II, № 308, 384; т. III, № 40, 224, 253.

⁷⁰ См. Ю. А. Б о е в. Указ. соч., стр. 379—402; E. K e d o u r i. England and the Near East. London, 1956, p. 32—34.

⁷¹ «Österreichisch-Ungarische Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914», Bd. I—IX. Wien, 1930 (далее — ОУА), Bd. VIII, № 8708, 9068; «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinete 1871—1914», Bd. 1—40. Berlin, 1922—1927 (далее — GP), Bd. 38, № 15052, 15053, 15342.

⁷² Ягов старался избегать этого термина, употребляя вместо него выражение «зоны деятельности» (Arbeitszonen). Такие лингвистические фокусы, конечно, ничего не меняли в существе дела.

⁷³ ОУА, Bd. VIII, p. 9550.

⁷⁴ P. R e n o u v i n. Op. cit., p. 48.

⁷⁵ Договоренность, как правило, достигалась после длительных и крайне напряженных переговоров. В отдельных случаях дипломатия фактически пасовала, будучи не в состоянии превозмочь имевшиеся расхождения; так обстояло, например, дело с разграничением зон влияния в районе Диарбекир-Аргана, где находились богатые рудники меди. Здесь скрестились интересы Франции, Германии и России. — МО, 3-я серия, т. II, № 208; J. P i c h o n. Les origines orientales de la guerre mondiale. Paris, 1937, p. 210.

⁷⁶ Французский клин нависал над Багдадской дорогой, саму Францию беспокоили претензии Германии на Александретту и т. п.

кой стороны от ряда первоначальных требований⁷⁷. Намечавшийся компромисс относительно Багдадской железной дороги предусматривал предоставление англичанам двух мест в дирекции этой дороги⁷⁸. Не случайно сделанные кайзеровской дипломатией уступки были неодобрительно встречены определенными группами германской буржуазии⁷⁹. С другой стороны, в Англии и среди британских администраторов в Индии имелось немало лиц, которые с возрастающим беспокойством наблюдали за обоснованием немцев в зоне Багдада и возле персидской границы; согласие британского правительства на возможное продление Багдадской дороги до Басры воспринималось ими как ненужный риск. Подлинное примирение Англии и Германии на Среднем Востоке — «багдадский мир», о котором стала тогда писать пресса, оставалось по-прежнему за пределами реальной политики; «горючих материалов» для конфликта из-за этих насыщенных нефтью земель было более чем достаточно.

Компромиссный курс, избранный Берлином относительно будущности азиатских территорий Турции, был призван облегчить осуществление по крайней мере двух важных задач: 1) германских лидеров манил все тот же мираж — нейтралитет Англии в предстоящей европейской войне; 2) в Турции они собирались «выиграть темп», отсрочить ее полный распад и расчленение на колонии европейских держав. От «интегрального» поглощения Османской империи немецкий империализм не отказывался ни на один миг.

Заслон, воздвигавшийся Антантой на дальних и более близких рубежах обширного конгломерата, именовавшегося Османской империей, убеждал руководящие круги Германии в явной недостаточности политики так называемого мирного проникновения⁸⁰. Получалось так, что в полной мере воспользоваться плодами многолетней экспансии в этой зоне мира будет невозможно до сокрушения главных конкурентов в Европе.

До недавнего времени трактовка предвоенного развития событий на Ближнем Востоке и на Балканах обычно была следующей: Германия шла от успеха к успеху; ей удалось захватить ключевые позиции в экономике и военном аппарате Турции, обеспечить безоговорочное послушание большинства турецких лидеров; секретный союзный договор 2 августа 1914 г. и в дальнейшем вступление Османской империи в войну против Антанты явились закономерным результатом развития германо-турецких отношений. К этому добавлялись рассуждения о росте австро-германского влияния в Болгарии в 1913—1914 гг., о том, что благодаря родственным связям Вильгельма II Германия имела неплохие шансы даже в Афинах.

На самом деле картина была куда более сложной. В свой актив немецкая дипломатия могла записать только раскол балканского союза, этой «седьмой великой державы», пугавшей германского кайзера. Первоначально большую удачу предвещала немецкому империализму миссия Лимана фон Сандерса. Однако уступку Берлина в вопросе об его амплуа — уступку скорее формальную, чем действительную, турецкие круги все же восприняли как свидетельство известной слабости Германии⁸¹.

На Балканах с лета 1913 г. положение менялось не в пользу австро-германского блока. Национально-освободительное движение балканских народов становилось все более серьезной преградой на путях экспансии центральных держав, сближение Сербии с Румынией и Грецией приобретало не только антиавстрийскую, но и антигерманскую направленность. В Юго-Восточной Европе и в Турции развертывалось интенсивное финансовое наступление Франции, Англии, а также США. Ф. Фишер считает, что

⁷⁷ F. Seidenzahl. The Agreement Concerning the Turkish Petroleum Company.—«Deutsche Bank Studies», August 1967, № 5, p. 14—36; А. А. Фурсенко. Указ. соч., стр. 404—405. А. А. Фурсенко приводит ошибочную дату подписания соглашения. Недавно обнаруженный текст соглашения см.: F. Seidenzahl. Op. cit., Annex I.

⁷⁸ GP, Bd. 37, № 14844.

⁷⁹ L. Rathmann. Op. cit., S. 30—32.

⁸⁰ Ibid., S. 30—31.

⁸¹ Указывая на это обстоятельство, посол Австро-Венгрии в Константинополе Паллавичини писал 7 апреля 1914 г.: «Прежняя вера во всемогущество Германии подорвана».— OUA, Bd. VII, № 9550.

Германия была полностью «переиграна» этими «более сильными финансовыми державами»⁸².

К июню 1914 г. позиции Германии на Босфоре все еще выглядели весьма импозантными. Британский главнокомандующий в Египте Китченер, посетивший Турцию весной этого года, склонялся к тому, что она «потерява» для Англии⁸³. В то же самое время немецкие военные и государственные руководители курьезнейшим образом приходили к диаметрально противоположным выводам. Получив неутешительное сообщение о состоянии и перспективах развития турецкой армии, Мольтке 18 мая 1914 г. записывал: «Совершенно неправильным было бы в обозримое время рассчитывать на Турцию как фактор в пользу Тройственного союза или Германии». Через несколько дней еще более категорически высказался Вильгельм II: германское влияние в Турции «равно нулю по сравнению с прошлым»⁸⁴.

Начавшаяся переориентация турецкого правительства на Антанту действительно могла привести к радикальным переменам на Ближнем Востоке. С ранней весны 1914 г. бил тревогу Паллавинчи: «Турция может перейти в другой лагерь»⁸⁵. Все более пессимистическим становился и тон донесений германского посла в Турции Вангенгейма. В мае — начале июня 1914 г. обострились отношения между Энвером и членами немецкой военной миссии (так называемое дело майора Кюбеля). Вангенгейм предупреждал о вероятности того, что конфликт отразится и на Багдадской железной дороге. 13 июня правление «Дейче банк» обратилось к кайзеру с просьбой вмешаться с целью предотвратить грозящие неприятности⁸⁶.

Ф. Фишер в 1964 г. высказал мнение, что в канун первой мировой войны «Турция находилась на пути к Антанте», а вся политика Германии на Ближнем Востоке и на Балканах переживала глубокий кризис⁸⁷. Нельзя без оговорок согласиться со всеми аргументами немецкого ученого. Быть может, он переоценил трудности, возникшие для Германии в связи с самостоятельными маневрами и притязаниями Австро-Венгрии, сгустил краски при описании неудач Германии в Турции⁸⁸. Однако в целом исследование Ф. Фишера, наряду с рядом работ других историков, позволяет лучше понять причины, побудившие правящие круги Германии поторопиться с началом «большой войны».

Мы попытались проследить главные тенденции политики великих держав, порожденные борьбой на колониальном поприще. Наибольшую активность, несомненно, проявлял тогда германский империализм. Разумеется, Дальний Восток или Мексика, Конго или даже Месопотамия сами по себе едва ли могли побудить правящие

⁸² F. Fischer. Op. cit., S. 293—322.

⁸³ T. Higgins. Winston Churchill and the Dardanelles. New York, 1963, p. 50. По сообщению Г. Моргентхау (не слишком надежному) Китченер и атташе США в Турции пришли к единому мнению, что в случае войны Турция, по-видимому, выступит на стороне Германии. — «Ambassador Morgenthau's Story». New York, 1918, p. 46. Несколько иначе расценивал обстановку английский посол Л. Маллет, отмечавший заметное улучшение русско-турецких отношений. — BD, vol. X, pt. 1, № 370.

⁸⁴ K. Mühlmann. Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkrieg. [Leipzig], 1940, S. 13—14; F. Fischer. Op. cit., S. 317.

⁸⁵ ÖUA, Bd. VII, № 9577, 9579; Bd. VIII, № 9911. Среди причин, усиливавших колебания турецких политиков, укажем на их недовольство присоединением Германии к политике дележа Турции и отказом кайзеровского правительства в полной мере поддержать требования Константинополя о возвращении оккупированных Грецией островов на Эгейском море. Материалы турецких архивов относительно возможности изменения курса Турции использовал историк из Анкары У. Курат. — Y. Kurat. How Turkey Drifted into World War I. — «Studies in International History». London, 1967, p. 291—315; см. также E. Werner. Die Türkei zwischen Dreieund und Entente. — «Wissenschaftliche Zeitschrift Karl Marx Universität». Leipzig, 1970, S. 431—446.

⁸⁶ G. W. Hallgarten. Imperialismus vor 1914, Bd. II. München, 1963, Dokumente «E».

⁸⁷ F. Fischer. Op. cit., S. 308—322. К сходным выводам на базе анализа давно уже опубликованных изданий документов пришел английский историк Г. Корриган. — H. S. W. Corrigan. German-Turkish Relations and the Outbreak of War in 1914. — «Past and Present», April 1967, p. 144—152.

⁸⁸ См. подробнее наш историографический обзор. — «Сборник докладов и сообщений по новой и новейшей истории». Пермь, 1966, стр. 8—10.

круги Германии развязать войну. Отмечая значение непрекращавшихся столкновений из-за колоний и зависимых территорий, мы вовсе не должны умалять роль острейших противоречий в старой Европе. К 1914 г. здесь были сосредоточены могучие производительные силы, накоплены колоссальные материальные ценности. Влиятельные группировки немецкой буржуазии и юнкерства в первую очередь уповали на укрепление позиций Германии — и своих собственных — за счет соседних стран. Перспективы овладения сырьем французской Лотарингии, Румынии и Украины или эксплуатации труда рабочих Бельгии, Франции и других стран Европы представлялись чрезвычайно заманчивыми.

Исследования Ф. Фишера, историков его школы и других ученых показали пре-
емственность политики Германии времен империалистической войны и ее довоенного курса. Франция, Бельгия, Россия, страны Юго-Восточной Европы были взяты на при-
цел правителями кайзеровского государства. Тиссен, Гельферих и другие промышлен-
ники и финансисты, вдохновлявшие агрессию, подчеркивали необходимость захватов в
Европе и для успешной борьбы с Англией и США за мировую гегемонию. Германские
руководители наметили конкретную программу передела колониальных владений.
Ни до, ни после начала первой мировой войны между империалистическими держава-
ми не существовало чисто европейских или чисто колониальных противоречий. Пожа-
луй, некоторые публицисты и составители экспансионистских проектов времен войны
1914—1918 гг. лучше понимали неделимость мира, чем иные современные авторы, ут-
верждавшие, будто «экстравагантные» цели Германии возникли только после начала
военных операций под воздействием второстепенных факторов⁸⁹. Большинство госу-
дарственных и военных лидеров тоже достаточно отчетливо сознавали, что судьбы Ев-
ропы и «заморских стран» переплетены неразрывными узами. Так, Вильгельм II за-
являл: «Вся моя морская политика и концентрация военной мощи в Европе основана
на необходимости принять участие в решении азиатского вопроса»⁹⁰.

Только при рассмотрении событий под углом зрения ленинской установки о тес-
нейшей связи в эпоху империализма стремления к колониальным захватам с внешней
политикой в целом можно понять бросавшуюся в глаза нелогичность предвоенного кур-
са Германии. Казалось бы, Берлин отодвигал на задний план некоторые из своих хо-
рошо известных колониальных притязаний, соглашался их «заморозить» на неопреде-
ленное время. Однако суть дела заключалась в том, что в 1913—1914 гг. немецкие ру-
ководители приходят к мнению о невозможности проводить успешную мировую поли-
тику ввиду узости европейской базы и наличия острейших противоречий с конкурирую-
щими державами. Может быть, следует ограничиться «чисто континентальной» полити-
кой? — «Нет!» — отвечал ближайший советник Бетман-Гольвега Рицлер в программ-
ном сочинении «Основы мировой политики», которое он (под псевдонимом) выпустил в
начале 1914 г. Интересы Германии, полагал Рицлер, расширяются, ведут ее за моря;
мировая политика является для нее жизненной необходимостью. Но «решение относи-
тельно мировой политики произойдет на континенте», после того как для Германии
перестанет существовать кошмар коалиций. Таков был рецепт Рицлера, означавший
лишь одно — войну. А после ее победоносного окончания, полагал он, Германия смо-
жет решить по собственному усмотрению главные вопросы колониальной политики,
Канцлер не вполне разделял оптимистические прогнозы Рицлера, пангерманистов и
милитаристов, однако санкционировал предлагавшийся ими путь⁹¹.

Лишь тщательное изучение всего комплекса основных противоречий империалисти-
ческой эпохи позволяет вскрыть причины вступления той или иной страны в войну
1914—1918 гг. Путь к войне, проделанный державами, определялся историческими за-
кономерностями. Отдельные приводящие обстоятельства наложили отпечаток на ход
событий. Но «главные действующие лица» первого акта трагедии — непосредственные
застрельщики военного пожара — не были случайными персонажами, «место и время»

⁸⁹ E. H ö l z l e. Das Experiment des Friedens im Ersten Weltkrieg 1914—1917. — «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», August 1962, S. 465—552.

⁹⁰ GP, Bd. 31, № 11346.

⁹¹ J. G e i s s. Zur Beurteilung der deutschen Reichspolitik im Ersten Weltkrieg. — In: H. P o g g e v o n S t r a n d m a n n, J. G e i s s. Die Erforderlichkeit der Unmö-
glichen. Frankfurt a/M., 1965, S. 47—82.

тоже обуславливалось предшествующим развитием. Обе враждующие группировки энергично готовились к генеральному сражению. Все же в 1914 г. Антанта могла еще подождать с его началом. Германские правящие круги ждать не хотели. Они торопились, пока Россия и Франция еще отставали в области вооружения, пока не начался распад многонациональной Габсбургской монархии и сохранялись надежды на более или менее благоприятную позицию Италии и Англии. К лету 1914 г. германская «мирная» экспансия была почти повсюду блокирована, политика балансирования на грани войны перестала приносить результаты. Даже на Ближнем Востоке Германия начала испытывать серьезные затруднения. Быть может, именно неблагоприятный оборот дел на главной трассе экспансии оказался последним толчком в создании соответствующего «психологического климата» в Берлине. Сам кайзер и его канцлер склонились к скорейшему развязыванию войны.

Наиболее удобным местом действия, бесспорно, стали Балканы. Обоснование в Юго-Восточной Европе расчищало дорогу к Проливам и Среднему Востоку. Конфликт из-за Сербии обеспечивал участие в войне Австро-Венгрии. Острота национальных противоречий на Балканах неизбежно должна была породить желанный повод для провоцирования решающего вооруженного столкновения. И после Сараевского покушения 28 июня 1914 г. Европа и мир быстро покатились в пропасть войны.